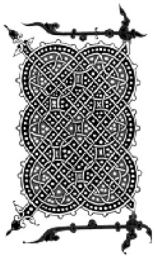


© 2024 протоиерей Димитрий Гоцкалюк
Симферополь, Россия



ПАТРИОТИЗМ СЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ (АБАШИДЗЕ) КАК ЦЕРКОВНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. Статья посвящена пониманию патриотизма известным церковным деятелем первой половины XX в., подвижником и миссионером святителем Димитрием (Абашидзе). Автор, опираясь на разные источники, главным образом проповеди святителя, а также учитывая мировоззренческие установки архипастыря, показывает, что патриотизм его имел глубокий, сознательный и разноплановый характер: политический, церковный, этноконфессиональный. В статье раскрываются особенности последнего, основы которого были заложены, очевидно, в детские годы. Автор считает эту форму патриотизма, любви к русскому народу, как защитнику Церкви и главной опоре государства, славянофильской, в том виде, как это понимал Н. Я. Данилевский. В статье показано, как постепенно, с начала своей архипастырской деятельности, святитель Димитрий раскрывал для себя глубину этого церковного феномена.

Ключевые слова: святитель Димитрий (Абашидзе), этноконфессиональный патриотизм, Русская Православная Церковь, русский народ, позднее славянофильство, Н. Я. Данилевский.

Ссылка при цитировании: Протоиерей Димитрий Гоцкалюк. Патриотизм святителя Димитрия (Абашидзе) как церковный феномен // Традиции и современность. 2024. № 36. С. 14–25

Протоиерей Димитрий Гоцкалюк (Dimitry Gozkalyuk) – аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (ОЦАД, г. Москва), клирик Крымской митрополии Русской Православной Церкви, эл. почта: gotdd@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2024. № 36. С. 14 –25

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 281.93; 323.21; ББК – 86.40; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2024-36/14-25>

Все исследователи, занимающиеся биографией святителя Димитрия (Абашидзе), признают, что патриотизм был его яркой отличительной чертой. Особенно ясно обозначено это в книге протодиакона Василия Марущака, насыщенной документами церковного характера: проповедями, воззваниями, обращениями владыки, которые сами за себя говорят. Автор книги замечает, что «твердая, мужественная и деятельная патриотическая позиция владыки Димитрия вызывала раздражение у врагов Церкви», то есть обращает внимание на церковное значение патриотического феномена (Протодиакон Василий Марущак 2006: 116–117). Петербургские исследователи гражданской стороны деятельности владыки отмечают: «Патриотизм не был частью, как бы мы сейчас сказали, имиджа харизматичного и пассионарного Димитрия (Абашидзе), он составлял основу его политических, философских и идейных взглядов» (Пученков, Калиновский 2020: 28). Для Л. П. Рылковой, составительницы биографии владыки Димитрия, сосредоточившейся на последнем этапе его жизни, в Киево-Печерской Лавре, времени молитвы и духовничества, этот аспект тем не менее оказывается также важен. По сути, он сводится к тому, что владыка категорически отказывается уезжать за границу вместе с деятелями Белого движения, с которыми был связан в годы Гражданской войны, он хочет разделить до конца со своей страной все ее беды и горести (Рылкова 2008: 52). На всем протяжении своего архиерейского пути святитель был ярким и деятельным патриотом Отечества, каким бы оно ни было: монархическим, буржуазно-демократическим или советским. Об этом свидетельствуют в первую очередь его проповеди, обращения, его неординарные поступки (например, добровольный уход на войну в 1914 г. простым военным священником), его архиерейская деятельность в тех регионах Российской империи, где русское население соседствовало бок о бок с нерусским, инославным населением. И если сам факт его архиерейского патриотизма очевиден, то совершенно не проработан вопрос о характере этого патриотизма: был ли он только официальным и ограничивался рамками гражданского служения земному Отечеству, как того требовал статус архиерея в Российской империи, или являлся более широким. Такая задача и ставится нами в статье в качестве главной.

Существуют два основных вида патриотизма: этнический и национальный. Первый, в силу длительного формирования в ходе истории и участия в этом процессе разных сил, более основательный, глубокий, тесно привязанный к вере, религии, Церкви. Второй, имеющий корень не в народе, эт-



Архиепископ Димитрий (Абашидзе). Источник: Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Вторая сессия. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2002

носе, а в государстве, формируется в национальной среде, отличной от этнической, поликонфессиональной и полиэтнической. Гражданский патриотизм, как национальный патриотизм, появляется в Европе достаточно поздно (а в России еще позднее, с XVIII в.), уже после Возрождения, в буржуазный период, когда образовывались нации – конгломерат из разных этнических групп, объединенный принадлежностью к государству (Тишков 2013: 40–41). Здесь защищается территория «смыслов» – государственного, экономического, культурного. В первом же случае «этнический патриот» защищает внетерриториальные, социальные смыслы своего бытия, которые более разнообразны, чем национальные, и более мотивированы религиозной идентичностью.

Этническая история русского народа (а святитель Димитрий декларировал себя русским патриотом) имеет свои этапы, в которые, как показывают исследователи, складывались важнейшие ценностные императивы, составившие этнический код народа. Этими этническими ценностями и жил русский человек, их он отстаивал, ими дорожил (Кириченко 2023: 3–13).

Этногенез русского народа был тесно привязан к таким понятиям, как «Отечество» и «Родина», важнейшим этническим маркерам, как и у любого народа. «Русская земля» – так называлось наше Отечество в домонгольский период (Горский 1994: 6). Более позднее название Отечества – в XIV–XV вв. – «Святая Русь» (Колесов 2006: 87; Кириченко 2020: 178–180). То есть так в разное время вместе обозначались и территория нашего Отечества, и особый характер этнического развития: сначала – русские лишь как гражданское сообщество (Русская земля), позже – русские как этноконфессиональная общность (Святая Русь). Иными словами, этническое, гражданское и религиозное начала у русского народа были теснейшим образом переплетены, они стали основой его этнической идентичности. Церковь, в отличие от государства, помнит все первичные смыслы в истории народа и государства, она хранительница духовной памяти. Государство, в силу его светскости, конъюнктурности, подчиненности задачам определенного времени, не пытается удерживать всю ценностную палитру. Тем более, что по мере того как государство менялось, оно обозначало перед гражданами и конкретные приоритеты.

Мы исходим из того, что святитель Димитрий (Абашидзе) руководствовался двумя точками зрения на патриотизм: с одной стороны, официальной, государственной, имперской и, с другой стороны, русской этнической, особенности которой и следует выяснить. Кстати говоря, такая позиция позволяла уравнивать патриотические чувства, не превращать их в национализм, защищающий государственную точку зрения только потому, что она государственная. Судя по всему, святителю Димитрию хотелось соединить в одно целое государственную и церковно-этническую точки зрения; его, очевидно, не устраивал сугубо официальный подход, предложенный графом С. С. Уваровым в его триаде «Православие. Самодержавие. Народность», где государственное поглощает все три компонента, что скорее напоминает западноевропейский вариант нацистроительства. Наше предположение состоит в том, что святитель Димитрий взял за основу славянофильскую модель понимания народности, самодержавия и церковности. Речь идет не о ранних славянофилах или расцвете славянофильства времени И. С. Аксакова, а о завершающем этапе славянофильства, который связывают с именем Н. Я. Данилевского и его эпохальным трудом «Россия и Европа», вышедшим в 1871 г. Это был своего рода философский или же историософский труд, новаторский, впервые представляющий цивилизационный подход в истории. Субъектом истории делался народ; в нем автор видел главную организующую силу истории, творца и государства, хо-

зяйственно-экономической и культурной деятельности. Сам же народ был подчинен только религии. Также в этом труде Данилевский рисовал сложную картину существования разных цивилизаций, которые он обозначал как «культурно-исторические типы». Как известно, славяне и их «локомотив» – русский народ – виделись ему наиболее сложным цивилизационным феноменом, в котором должны проявиться все потенциальные качества культурно-исторического типа (а их он насчитал четыре), в силу чего это будет универсальным цивилизационным феноменом, важным для всего человечества. В данной работе в полной мере раскрываются все достоинства народного начала, и в указанном контексте универсальности русский народ рассматривается как народ, несущий особую миссию, в связи с чем Данилевский говорит о его «избранничестве» (Данилевский 1995: 407). Все эти основные положения легли в основу «патриотического мировоззрения» святителя Димитрия (Абашидзе).

Знакомство с книгой Н. Я. Данилевского и его теорией могло начаться для святителя Димитрия еще в Грузии, в родительском доме. В 1880-х годах Данилевский бывал по научным делам в этом регионе, работая над фундаментальными трудами по рыболовству. А в 1840-х Данилевский собирал на Кавказе, в том числе в Грузии, материал для книги об образе жизни разноэтничного населения Кавказа, экономической географии, этнографии. Книга вышла в Москве в 1846 г. и не могла не привлечь внимания образованных грузин (Данилевский 1846: 163). Неожиданная смерть Данилевского в Тифлисе летом 1885 г. также, думается, привлекла внимание к его фигуре. К этому времени Данилевский был известным человеком, с ним общались Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и многие другие писатели и мыслители. Его труд «Россия и Европа» набирал популярность. Похоронили Данилевского в Крыму, в его имении Мшатка, недалеко от Фороса. Да и в Крыму Данилевский был известным человеком, директором Никитского Ботанического сада. Его связывали родственные отношения со святителем Игнатием Брянчаниновым. Совсем не случайно имение Данилевского посетил святой праведный Иоанн Кронштадтский, когда в 1894 г. приезжал в Ливадию к смертельно больному царю Александру III. Отец Иоанн побывал в Мшатке и окропил имение святой водой (Рау-Данилевская 2023: 163). Все это не случайные точки соприкосновения, учитывая, что славянофильские идеи святитель Димитрий стал демонстрировать на самом раннем этапе церковного служения.

Об очевидных славянофильских пристрастиях святителя Димитрия (Абашидзе) можно судить уже по «грузинскому периоду» его церковного служе-

ния. Так, например, он совершил торжественную панихиду по «болярину», великому русскому поэту А. С. Пушкину в Тифлисской духовной семинарии в 1899 г., где произнес слово о Пушкине. В нем в точности озвучены славянофильские положения: антизападничество Пушкина, как художника, возвращающего русскому дворянству, благодаря своей народности, русскую традицию. Миссия Пушкина состояла в том, чтобы «возложить святое, но трудное и ответственное дело возвращения родной стране сердец ее чад, отторгнутых мишурным блеском просвещения гордого Запада». Пушкин не один, вместе с ним другие славянофилы: «по мановению Божию, восстают русские богатыри, вступают в борьбу с ненормальным явлением русской жизни и победоносно возвращают сердца увлеченных народу». Народ понимался святителем в этом обращении как самостоятельная, деятельная сила, это видел и Пушкин, поэтому «он своим чудным звучным стихом заставил своих современников полюбить речь русскую, заставил их сблизиться с народом, взглянуть поглубже в сердце народа, полюбить и прислушиваться к биению этого сердца и жить с ним одною жизнью, жизнью православного человека» (Перадзе 1899: 5–8).

Святитель Димитрий, повторим, славянофил позднего периода, в котором присутствует понимание «народного» как равноценного государственному (через цивилизационное начало), и за счет этого ему удалось сочетать патриотизм гражданский (официальный) и церковно-народный. Народ силен своей церковностью, своими лучшими людьми, составляющими славу не только самого этого народа, но и государства. Так, в другой «грузинской» проповеди будущий святитель говорит: «Мы старались о Господе сроднить вас с истинными представителями вашей народности, верными выразителями духа древней Иверии. Пред нашим взором всегда предносился бесчисленный сонм героев грузинских. Св. Нина и Давид Возобновитель, Або и Ражден, Шушаника и царь Луарсаб, смиреннейший Шио и царственная Кетевана, эти герои духа, жизнь свою отдавшие за св. Православие, заставляли нас заботиться только о том, чтобы глубже и глубже в сердце ваше вонзалась святая ревность о Господе, дабы вы во всем уподобились предкам вашим, исключительно существовавшим Православием и ради Православия и свою благородную жизнь принеся в жертву за свидетельство истины Христовой» (Архимандрит Димитрий 1900: 1–5).

В его речевом обиходе постоянно звучат привычные для русского церковного человека: «Святая Русь», «Русь православная», «богохранимый русский народ», «боговенчанный царь-батюшка», «Царство Русское» и т. д. – понятия несколько ар-

хаичные, но привычные в церковной среде, с ее богослужебным церковно-славянским языком. Император российский для владыки – «Верховный Вождь православной России, Помазанник Божий, носитель воли народа своего» (Слово преосвященного Димитрия 1904: 5–9). В родной ему Грузии епископ Димитрий был такой же российский и русский патриот, каким он был позже в «русских» епархиях. Вот его слова, сказанные еще в грузинский период. На отпевании преосвященного Вениамина, епископа Горийского, в 1905 г. архиерей подчеркнул, что покойный знал «хорошо родину, ты любил простой сердцем народ русский за его святость, любовь к церкви и ее учреждениям» (Восторгов 1905: 4–12).

С годами его патриотизм укреплялся по мере церковного служения. Учеба в Киевской Духовной академии с 1891 по 1896 г. стала для святителя Димитрия чем-то большим, чем просто получение духовного образования. Здесь, как он сам замечал, он обрел вторую Родину. Находясь далеко, на Туркестанской кафедре, в день памяти святой великомученицы Варвары, лежащей мощами в Киеве, владыка так отзывался об этом: «В славный знаменательный день праздника древнего святого града Киева, духовной родины моей, с трепетом и благоговением припадая из далекого Верного к цельбоносным мощам Христовой великомученицы Варвары и чудотворному образу Архистратига Божия, молю Спасителя сохранить на радость и спасение всей православной России, великого отечества нашего, священный Златоверх во всей славе его до скончания века» (Никольский 2015: 25).

Служение в Грузии проходило в период с 1896 по 1905 г. (с 1902 г. в качестве епископа). Святитель Димитрий трезво и объективно смотрел на свою страну, на свой народ, живущий под омофором русского императора, вместе с Русской Православной Церковью. Он говорил в одной проповеди: «Наш возлюбленный Монарх, Благочестивейший Государь, освободив и оградив (грузинский. – Д. Г.) народ от хищнических и всеразрушающих набегов наших соседей-дикарей, отечески заботится о своем народе, даровал возможность ему иметь и просвещенных пастырей, принявших близко к сердцу просвещение народа, и сеть школ покрывается Грузия» (Елизбаров 1902: 13–18). Епископ Димитрий понимал, что грузинская аристократия нуждалась в экономической поддержке русской власти, а крестьянство – в церковном просвещении. Однако внутренних – грузинских – средств не хватало ни на церковные школы, ни на поддержку и процветание богатых старинных имений, ни на строительство новых храмов и монастырей. Последние из-за бедности были малонаселенными и малочисленными, а женских обителей не было вовсе.

Архипастырь трезво оценивал объективные возможности для самостоятельной политической и хозяйственной жизни грузинского народа, для ведения миссии Грузинской Церковью, считая, что только в государственном и церковном единстве с Россией и Русской Православной Церковью у Грузии есть жизненный шанс спокойно развиваться и существовать. К. П. Победоносцев, запросивший сведения об активном грузинском архиерее, получил ответ от инспектора строившихся в Грузии духовных школ П. Г. Острожкова (2 сентября 1902 г.): «Сторонник единства государства, обличитель революционного движения и националистических толков, почитается ренегатом среди грузин и был преследуемый местной грузинской общиной...» (Рылкова 2008: 48).

Привлечение русских людей к церковным трудам в самой Грузии епископ Димитрий считал полезным для страны и ее народа, и он это делал, находясь на посту епископа. Но каждый такой «прорусский» шаг вызывал нарекания грузинской интеллигенции, которая, как и русская интеллигенция того времени, боролась не столько за истину, сколько за свое понимание истины, церковной и государственной жизни. Ее очевидные националистические воззрения, не допускавшие никакой «русификации» (хотя русификации и не было), создавали атмосферу, далекую от подлинного грузинского патриотизма, скорее иллюзию отстаивания патриотических позиций. Святителю на его архипастырском посту не раз приходилось публично оправдываться, доказывать, что тот или иной священник-ставленник с русской фамилией такой же гражданин Грузии, как и так называемые ревнители, что он порой даже кровью связан с грузинским народом, но все было напрасно. Он не раз говорил, что богослужения проводятся на грузинском, а включение церковно-славянского лишь указывает на братские связи, каковые, например, существовали у Русской Церкви с Греческой. Ведь ни у кого в России не вызывало вопросов включение отдельных молитв и песнопений на греческом языке. Тем не менее епископ Димитрий однозначно считался у грузинской интеллигенции проводником «русификаторской» государственной политики. Уже после того, как владыке пришлось удалиться из Грузии, чтобы не провоцировать разрастание конфликта, в петербургских изданиях появились публикации, в которых в духе времени позиция епископа Димитрия была представлена как сугубо официальная, а сам он – как заложник имперских амбиций Петербурга. Например, в одной газете писали: «Из-за этого именно “обрусения” грузинской церковной жизни у епископа гурийско-мингрельского Димитрия (князь Абашидзе) возник очень острый

конфликт с паствой. Подчиняясь указаниям экзарха, епископ, по всей вероятности, слишком прямолинейно проводил в жизнь принципы синодального ведомства и тем навлек неудовольствие епархии. Взаимные недоразумения дошли до того, что епископ Димитрий принужден был покинуть Кавказ» (Листки из кавказского дневника 1905: 122). Некоторые авторы нарочито создавали карикатурный образ «убегающего архиерея», чтобы подчеркнуть ничтожность «церковного чиновничества». Автор очерка, заметим, грузинский аристократ, проникнутый духом революционного нигилизма: «А теперь ставленники бюрократии, наши маловерные священники, при самом малейшем неприязненном настроении к ним некоторых слоев населения бегут, подобно стаду баранов, бросая и вверенную ему церковь, и свою паству. А пример тому подал бывший епископ Гурийско-Мингрельский пр. Димитрий Абашидзе, который не при вторжении неумолимого Тамерлана бежал из своей епархии, но лишь при протесте своей же паствы, своих кровных братьев, которым он хотел в святых делах церкви навязать политику, вести богослужение на славянском языке, которого народ совершенно не знает. Удивительная дегенерация типа высшего духовного служителя, который или во все без всякого внутреннего убеждения лишь по наущению посторонней воли применяет не свойственные духу церкви начинания, или, если поступал лишь на основании своих убеждений, почему не показал пример стойкости и величия. Бегство пр. Димитрия и ныне вызывает краску стыда у всех его однофамильцев, которые тысячи лет всегда боролись за свои убеждения, но никогда не обращались в бегство даже при серьезной опасности» (Эристов-Шарвашидзе 1906: 46–47). Конечно же, никакого бегства не было, а была создана ситуация «неповиновения» именно такими людьми, как автор последнего очерка, подогревавшими страсти толпы, что в условиях моноэтничной Грузии было не так сложно. И святитель, чтущий мир как основу пастырского служения, понимал, что в данном случае его любые благие намерения ни к чему не приведут. В воспоминаниях Б. В. Никольского передается один любопытный разговор с участием епископа Димитрия. И здесь важным является уже «угасший пыл» одного из подобных представителей интеллигенции, которому скучно было слушать о прошедшем конфликте, он оценивал его как «личный», касающийся только самого епископа. Хотя, когда сам конфликт находился в горячей стадии, думается, этот собеседник владыки не был таким скучающим, скорее, наоборот. «1905 года, апреля, суббота... Вечером были у Муяки, где преосвященный Дмитрий (Абашидзе) рассказывал о своем изгнании из Поты. Ничего особенно интересного. Слишком все это лич-

но, поверхностно и узко. Он видит только врагов и интриги, не раскрывая их подкладки» (Никольский 2015: 25). Епископ Димитрий не случайно опасался мести националистов, не хотел, чтобы проливалась кровь, потому что такие случаи были: в 1903 г. грузинским националистом был убит благочинный Александрополя настоятель греческой Георгиевской церкви о. Георгий Василев (Протоиерей Василий Марущак 2005: 21). Уже после отъезда епископа Димитрия в 1908 г. националисты убили экзарха Грузии Никона (Софийского). Вот откуда его слова, сказанные при хиротонии во епископа о служении в Грузии, как служении на Голгофе: «*Все существо мое пришло в трепет... Наставник наш Иисус Христос зовет меня ныне к Себе на Голгофу*» (Протоиерей Василий Марущак 2005: 11).

Владыка уехал из Грузии с самыми нежелательными характеристиками, которые потом сопровождали его по России, особенно в Петербурге, где было немало грузинской аристократии (не всегда русской). Этот «позор» стал его жизненным крестом, крестом отвержения от близких, который не исчез и со смертью владыки. Но Евангелие говорит: «Нет пророка в своем Отечестве». Тем не менее этот жесточайший опыт, как никакой другой, укреплял святителя на всем его жизненном пути и давал понимание того, что он находится на верном, евангельском, пути.

Из Грузии владыку направили в Подольскую епархию, к западным границам империи. Короткое служение святителя Димитрия викарным Балтским епископом в Подолье (1905–1906 гг.) обогатило его новым опытом понимания архиерейства как «русского служения». Эта тема поднималась людьми, близко узнавшими его, при прощании, когда ему желали самого главного и вспоминали самое лучшее. Значит, она была актуальна и очевидна для этих людей. Зная духовное устройство епископа, ректор духовной семинарии пожелал ему на прощание перед отъездом на Туркестанскую кафедру того, что сам он более всего желал себе сам. Пожелания отца ректора растрогали того до слез, как никакое другое прощальное слово. Ректор семинарии протоиерей Н. Малиновский говорил о присущих епископу Димитрию «твердых православно-русских убеждениях», которые проводятся им везде, где он служит, в том числе среди «разноплеменного, разноверного и разноязычного населения Подолья... не скрывая их ни пред кем и никогда, возвещали о них и с церковной кафедры, и в служебных и частных беседах с разными лицами, и в своих административных распоряжениях. Знаем также, что исповедание этих убеждений не обошлось без испытаний и скорбей для вас, но испытания и скорби не заставили вас отречься от того, что вы признавали истинным и пра-



Архиепископ Димитрий (Абашидзе). Источник: Священный собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Третья сессия. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2002

вым» (Прощание Преосвященного Димитрия 1906: 146–153). Епископ Димитрий в ответном слове к собравшимся, к правящему архиерею Парфению, духовенству, преподавателям, чиновникам, сказал еще раз слова благодарности, как патриот России и русского народа: «*Сейчас я переживаю радостное и волнующее меня чувство. Сознаю, что я недостойн, и вместе радуюсь, что Господь сподобил меня таких почестей, не как человека, а как епископа. Особенно мне приятны эти почести еще потому, что они идут от истинно-русского, православного населения. Я вижу здесь то единение между духовенством и светским обществом, о котором я всегда мечтал; оно достигнуто здесь благодаря истинно-русским людям во главе с мудрым и благостным Архипастырем нашим Преосвященнейшим Парфением*». В прощальном слове ко всей подольской пастве в храме святитель подчеркнул, что ему было важно здесь, на границе с католическим миром, увидеть твердость веры православных: «*Сподобил Господь меня недостойного во время служения в стране Подольской не раз наблюдать и испытывать на себе всю почтительность, любовь здешнего народа к представителям св. Церкви, внимательность к ка-*

ждому их слову, с полной готовностью выполнять его. Все это не есть ли спасение, явленное нам от Господа, и не должны ли мы усердно молить милостиво взирающего на Подолию Христа Бога нашего, чтобы Он всеблагий, Надежда израилева, никогда не покидал сердца русского народа, всегда бы возлежал в объятиях его, как некогда благоволил быть носимым руками праведного Симеона, воспламеняя в русском народе истинную любовь к Себе, утверждая в ней Русь святую и разрушая все козни вражия? Не должно ли все это и меня, недостойного, уходящего в далекую, новую страну нашего отечества, радовать и убеждать, что никто иной, как русский народ, избран Господом для просвещения язычников, для насаждения на земле веры Христовой, для укрепления по всему лицу вселенной христианского мира и взаимной любви?» (Речь Преосвященного Димитрия 1906: 153–157).

Что подчеркивалось в качестве основного в церковном служении народа Богу? Это: «православно-русское делание», «православно-русское убеждение», «истинно-русское православное население», «избранность народа» Господом «для просвещения язычников», «для насаждения на земле веры Христовой», «для укрепления мира и взаимной любви». Это были оценки, указывающие на крайнюю степень противостояния инославным, в данном случае, в Подолии, католикам. Думается, на подольской земле, в условиях активного католического прозелитизма, святитель Димитрий усвоил для себя многие важные положения миссионерской деятельности. В Подолии впервые появились критические нотки, строгость по отношению к народу, отсутствие обычных для святителя эпитетов по отношению к русскому народу.

Следующие шесть лет архипастырского служения владыка Димитрий провел на Туркестанской кафедре (с 1906 по 1912 г.), на юго-восточном пограничье русской ойкумены. На встрече с туркестанской паствой зимой 1906 г. он говорит о России как особой стране: «Господь потому и расширял пределы Царства Русского и умножал сынов России, чтобы они, являясь среди народов, не знающих и не желающих знать Христа, своею христианскою высокою жизнью, возбуждали бы в них жажду к Истине, Пути и Животу – Господу Иисусу». Владыка говорит в приветственном слове о «желании быть настоящими сынами Родины – Руси православной» и о «принадлежности к царственному и уважаемому всеми русскому народу» (Прибытие Преосвященного Димитрия 1906: 6–8). Здесь он был счастлив, очевидно, оттого, что ушла эта страшная напряженность, с которой он жил в Грузии, а потом и в Подолии (хотя и по другой причине). С необыкновенной горячностью святитель полюбил

Туркестан (в дореволюционных границах его понимания), русских на восточном имперском пограничье: «Туркестан – далекая русская окраина, и это обстоятельство многих пугает. Между тем, далеко не всем известно, что Туркестан – лучшая часть России, что это поистине прекрасная жемчужина русской Короны, с теплым благодатным климатом, обилием плодородной земли и другими природными богатствами...» (От Епископа Туркестанского и Ташкентского 1910: 570–573). Сразу отметим, его волновал не просто этот край сам по себе, но в его новом качестве – присоединенный к России и попавший в орбиту русского православия; ведь вместе с русскими переселенцами сюда пришел Сам Христос, Его Церковь, и жизнь здесь ожила в ее новом качестве «вечной жизни». В Туркестане он осознал понимание необходимости защиты русского народа. Раньше епископ Димитрий думал, что в такой защите нуждается любой другой народ в России, а русский – и так сильный, несущий ношу, зачем ему защита. А здесь его стала мучить мысль о необходимости защиты народа.

В письме к князю Васильчикову 1910 г. он писал: «Ваше Сиятельство, Милостивый Государь».

Прочитав письмо ваше, с крестным знаменем произношу: «Слава и благодарение Господу за добрые печатные труды Всероссийского Национального Клуба». Нужно ли много слов для доказательства полезности их! Эти небольшие книжицы не только необходимы и полезны для сынов России, но прямо спасительны для них, и каждый из современных русских деятелей, по глубоко моему убеждению, обязан пред Богом всеми доступными ему мерами распространять в народе русском эти славные, благородные, правдивые издания.

Недавнее лихолетье ясно показало, как подчас попираются Царственные, Богом дарованные Русскому народу права. Пора, давно пора правдиво возвестить об этом народу русскому, уяснить ему великое его назначение, самим распорядителем судеб всех царств и народов ему указанное, и святыми примерами из родного прошлого ободрять его стоять на страже и хранить нерушимым священное достояние дорогих предков. Как русский епископ, земно кланяюсь Всероссийскому Национальному Клубу и радостно о Господе приветствую его с началом светлого торжества, выхода в свет первых книг «Отечественной Библиотеки».

Возлегиший в сердце русского народа Спаситель мира, Христос Бог наш, да просветит очи наши сердечные, да наставит нас на всякую истину и научит нас крепко любить Отечество наше, православное великое Царство русское!

Матерь Божия, под непобедимым покровом Коей зародилась, возросла и окрепла православная русская

Держава, да хранит ее непоколебимой во веки!

Святой архистратиг силы Господни, в день памяти коего пишутся эти строки, покровитель святой купели русского царства, матери русских городов, древнего Киева, да низложит всех видимых и невидимых врагов народа русского и да сохранит русское царство в крепкой неизменной любви к Христу Богу и Церкви Его православной, в силе и славе земной во веки веков!

Смиренно призывая на Вас и на всех братьев Ваших, верных сынов России, всесильное благословение Божие, с совершенной преданностью и искренним почтением имею честь быть, Вашего сиятельства, милостивого государя, покорнейший слуга, Димитрий, епископ Туркестанский и Ташкентский. Верный, 8 ноября 1910 г.» (Письмо Преосвященного Туркестанского 1910: 21–88).

Святитель обращал внимание на то, что народ нужно укреплять в вере, духовно воспитывать и просвещать, хотя он сам защитник государства и Церкви, хотя он большой и сильный, но неумолимо надвигается революция, народ обступают секты, безверие, безнравственность, один соблазн следует за другим. Если русский народ не защищать, погибнут в пучине хаоса и все остальные, погибнет Россия, и Церковь получит (в лучшем случае) тот скромный статус, что имеет Константинопольская кафедра в Турецкой империи. Патриотизм святителя Димитрия обретает в годы служения в Туркестане новый облик. Тема хранения русской народной души, веры православной от тех или иных духовных опасностей и соблазнов становится нередкой в проповедях этого периода. Вспоминает об этом епископ и при прощании с туркестанской паствой. Он говорит, что старался, чтобы у народа было «убежище». Поэтому здесь появился женский монастырь (основанный епископом Димитрием), необходимый, чтобы «овец христианского стада» не «расхищали волки». Поэтому была выстроена духовная гимназия, велась активно миссионерская работа, особенно против сектантов, соблюдался трезвый образ жизни. В словах проповеди звучала тревога, владыка опасался за будущее народа, выражал неуверенность, говорил о строгости несения каждым христианином знамени с надписью: «За Веру, Царя и Отечество!». «Спасение Отечества и спасение каждого из нас зависит от любви и беззаветной преданности Христовой Православной Церкви и Помазаннику Божию, Царю Православному. Только при этом условии и возможно благо и долгоденствие людей русских на земле» (Протодиакон Василий Марущак 2005: 109). В Туркестане святитель был как нигде в другом месте счастлив, именно благодаря общению с русской паствой, жившей патриархальной жизнью. Здесь он нашел многое из того, что он

представлял себе в идеальном виде, много церковно подлинного, характерного не для отдельных людей, а для народа в целом. Епископ Димитрий развивал активную антиреволюционную деятельность, контактировал с активистами общественно-политического движения «Союз русского народа». В Петербург, в Думу писались письма, обращения, суть которых состояла в необходимости защитить русский народ от революционной заразы (Протодиакон Василий Марущак 2005: 81, 83). В обращении звучал прямой вопрос: «За какие грехи русские люди лишены возможности пользоваться в своем государстве широкими правами инородцев. Смеем верить – никакие домогания врагов русского народа не останавливают благородного отважного и победоносного его шествования и не мешают ему занять свободные земли восточной окраины своего великого царства» (Протодиакон Василий Марущак 2005: 81–82). Для туркестанского периода была характерной эта позиция защиты народов, его прав, его особого мира, церковных традиций. Ориентиром для народа должен служить маяк, на знамени которого начертаны слова: «За Веру, Царя и Отечество».

С 1912 г. начинается служение на Таврической кафедре, продолжавшееся до 1921 г., времени ухода на покой. Нам думается, таврический период был самым сложным в осмыслении русского патриотизма святителем Димитрием. Дыхание революции было совсем близко, поэтому уже два предвоенных года прошли на новой кафедре, как подготовка к грядущим испытаниям. Он постепенно начинает осознавать, что растущая разобщенность русского народа (как церковной и единой силы) может быть преодолена лишь духовным подвигом, поэтому в его проповедях появляется тема христианского мученичества, которая в годы войны становится еще более актуальной. Владыка откликнулся на мученическую смерть в австрийском плену крымчанина солдата Филиппа Куликова, прихожанина Федоро-Стратилатовской церкви. Сказав в проповеди о мученичестве солдата, архиерей соотнес этот духовный подвиг с народным деланием, состоящим в рождении и воспитании таких солдат: «Благодарю Господа, сподобившего меня грешного проходить епископское служение среди великого русского народа, рождающего и воспитывающего бесчисленное множество истинных сынов Христовой Церкви...» (Протодиакон Василий Марущак 2005: 153). Но мученичество – это прерогатива людей глубоко церковных, поэтому в других проповедях владыка останавливается на необходимости для народа глубокого укоренения в церковной жизни, что подтверждается историческими примерами. Епископ считал, что новое германское нашествие на Русь беспрецедентно, такого еще не было, враг за-

махнулся на все славянство, на полное покорение России, полное превращение ее народа в рабов. Война для России, народа, русского монашества – это суд Божий, поэтому надо *«всем жертвовать для спасения Отечества, все направлять к спасению его, все делать для радостной и светлой жизни его»* (Протоиерей Василий Марущак 2005: 178–179). Складывается впечатление, что стремительность событий была такова, что отсутствовала возможность объективно оценить быстро надвигающуюся опасность. Вскоре после отречения царя Николая II от престола святитель произносит странные, на первый взгляд, слова о народе, к которому перешла царская власть. Нам понятно, что он рассуждает не как большевик, революционер, но что тогда значат эти слова о «народной власти»? *«Создалась эта ужасная бездна, и верховная власть вернулась к русскому народу, великому, и пространством земли, и своей численностью, и духом, чтобы устраивать на новых началах свою государственную жизнь»* (Протоиерей Василий Марущак 2005: 180). Не политический народ, не этнический народ, а церковный народ получает власть, которой он должен распорядиться по своему мудрому – народному – усмотрению. Политическую власть взяло в свои руки Временное правительство, но народ взял обратно ту власть, которую мог держать в своих руках только помазанник Божий – царь. Этот тонкий момент заметил только такой народолюбец, как архиепископ Димитрий. И в этом контексте органичным выглядел факт передачи власти царя Божьей Матери, о чем повествует явление иконы Державной Божией Матери. На земле духовная царская власть переходит к народу, а на небе – к Божией Матери. Вот почему в трагические, казалось бы, дни владыка произносит с оптимизмом: *«Счастье Русского народа вверено Богом нам, сынам Русского Отечества (то есть церковным людям. – Д. Г.), счастье это в руках наших»*. Революция, таким образом, поставила точку в формировании той сложной историософской, даже богословской картины, которая в течение всего архипастырского служения сопровождала владыку Димитрия.

В его последней, прощальной проповеди 1921 г. перед уходом на покой в Киев, туда, где находились истоки его «второй Родины», прозвучали только слова благодарности народу, среди которого он проходил архипастырское служение. Проповедь датирована 14 сентября 1921 г. Здесь, словно перед кончиной, святитель говорит свое «последнее слово» любви к русским людям. Безоценочно, не стесняясь своих слов, как всегда предельно искренне: *«Да, поистине я любил и буду продолжать любить до гробовой доски Вас, русских православных людей, самой нежной о Господе любовью. Я, как*

некогда маслина (Рим. 11: 17) (владыка здесь сравнивает русский народ не с «дичком», привившимся к культурной маслине, а с самой маслиной, подчеркивая, как и Данилевский, его богоизбранность. – Д. Г.), прицепился к русскому народному дереву, и русские православные люди стали всей моей радостью, и похвалой, и славой. Я всегда благодарил Господа и благодарю, что я получил русское воспитание, русское образование, что преимущественно большая часть моей церковной службы (18 с лишним лет) проведена исключительно среди русского народа и остаток дней своих проживу среди него. Кости мои, сложенные в недра русской земли, будут попираемы благословенными стопами русских же Божьих людей. Соседи для меня, народ русский был единственным народом, и благодарение Господу, ни разу нигде русские люди не давали мне почувствовать моего инородческого происхождения, ничем не выделяли меня, считали всегда своим. Да и возможно ли было мне не любить русского народа, когда я всем своим существованием обязан только ему?! Мне как человеку с инородческим происхождением особенно приметны свойства, качества народа, с которым сроднила меня десница Божия. И я люблю Вас, дорогие мои братья, за Ваше золотое, мягкое, христианское сердце, за Ваше постоянное любовное увлечение всем таинственным, за Ваше всегдашнее искание подвига, за стремление к правде Божией, истине Христовой, присныя думы и воздыхания Ваши о вечном и блаженном царстве Божием, за предпочтение неба – земле, души – телу, за Вашу примерную любовь ко храму Божию и богослужению. Ни один христианский народ не сделал столько для храмов Божьих, сколько сделал народ русский, позже всех призванный ко Христу. Свойства сердца русского народа, которого я не могу не знать, как много лет епископствовавший среди него, делают для меня совершенно ясно его будущее. Оставляя совершенно мир и стоя пред вратами самой смерти, я сохраняю глубокую веру в светлое будущее русского народа, остаюсь с непоколебимой надеждой, что народ русский будет великим могущественным государством, останется Божиим наследием, сохранит себя кивотом завета Божия, скинию свидения, будет христианским православным народом и как таковой явится носителем мира среди соседних народов, послужит для всех правилом христианского благочестия.

Эту веру, мою надежду в русский народ несколько не поколеблют... и по сим и по последствиям своим... какие мы переживаем за эти последние семь лет. Пройдет гроза и сверкнет молния, и грозные громовые удары окажутся благодетельными, как принесшие дождь жаждущей, иссохшей земле» (ГАРК: 16–23).

Подводя итог представленной картины «славянофильского патриотизма» святителя Димитрия (Абашидзе), важно подчеркнуть, что данный феномен, несомненно, развивался во времени, он как бы формировался в соответствующих исторических условиях своей эпохи, был окрашен в цвета гражданского патриотизма времени позднеимперского периода России. Этот патриотизм отличался ярким характером (два известных примера: владыка добровольно служил на флоте в годы войны 1914 г. как простой военный священник, а в революцию 1917 г., находясь в

Москве как участник Поместного собора, он вместе с владыкой Нестором (Анисимовым) был непраздным свидетелем «расстрела Кремля», главной святыни русского народа и государства), святитель не боялся его демонстрировать, отстаивать, быть искренним в его проявлении на всех этапах своего церковного служения. За его «славянофильским патриотизмом» стояла византийская культура и традиция органичного единения церковного и светского начал; церковного, государственного и народного (этнического), где каждое друг друга дополняло и укрепляло.

Источники и материалы

Архимандрит Димитрий 1900 – *Архимандрит Димитрий (Абашидзе)*. Слово, произнесенное 23 января 1900 года в церкви Тифлисской духовной семинарии бывшим инспектором ея, ректором Александровской миссионерской духовной семинарии, архимандритом Димитрием, по окончании вечернего Богослужения пред прощанием с воспитанниками // Прибавление к Духовному вестнику Грузинского Экзархата. 1900. № 5. С. 1–5.

Восторгов 1905 – *Восторгов И., протоиерей*. Преосвященный Вениамин, епископ Горийский (Некролог) // Прибавление к Духовному вестнику Грузинского Экзархата. 1905. № 6. С. 4–12.

ГАРК – Государственный архив Республики Крым. Ф. 112. Оп. 1. Д. 32. Л. 16–23.

Данилевский 1995 – *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Издание шестое. СПб.: Глаголь, 1995.

Данилевский 1846 – *Данилевский Н. Я.* Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М.: Университетская типография, 1846.

Елизбаров 1902 – *Елизбаров М.* Пребывание Преосвященнейшего Димитрия, Епископа Алавердского в г. Телаве // Прибавление к Духовному вестнику Грузинского Экзархата. 1902. № 21/22. С. 13–18.

Листки из кавказского дневника 1905 – Листки из кавказского дневника // Исторический вестник. 1905. Т. 101. Июль. Год 26. Тип. А. С. Суворина, 1905.

Никольский 2015 – *Никольский Б. В.* Дневник, 1896 / подгот. Д. Н. Шилов и Ю. А. Кузьмин; Российская нац. б-ка [и др.]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.

От Епископа Туркестанского 1910 – От Епископа Туркестанского и Ташкентского. Воззвание // Вятские епархиальные ведомости. 1910. № 19. С. 570–573.

Перадзе 1899 – *Перадзе И.* Пушкинский праздник в Тифлисской духовной семинарии // Прибавление к Духовному вестнику Грузинского Экзархата. 1899. № 12/13. С. 5–8.

Письмо Преосвященного 1910 – Письмо Преосвященного Туркестанского Председателю Всероссийского Национального Клуба князю Васильчикову // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1910. № 49. Прибавления. С. 2188.

Прибытие Преосвященнейшего Димитрия 1906 – Прибытие Преосвященнейшего Димитрия, Епископа Туркестанского и Ташкентского в город Ташкент и Верный. Изд. Верный, 1906. С. 6–8.

Прощание Преосвященного Димитрия 1906 – Прощание Преосвященного Димитрия, бывшего епископа Балтского, с каменчанами и отъезд его на место нового своего служения в г. Ташкент // Православная Подолья. 1906. № 2. С. 146–153.

Рау-Данилевская 2023 – *Рау-Данилевская И. М.* О роде Н. Я. Данилевского по его младшему сыну Ивану // К 200-летию рождения «Апостола Славянства» Данилевского Николая Яковлевича (1822–1885). М., 2023.

Речь Преосвященного Димитрия 1906 – Речь Преосвященного Димитрия при прощании с Подольскою паствою // Православная Подолья. 1906. № 2. С. 153–157.

Слово преосвященнейшего Димитрия 1904 – Слово преосвященнейшего Димитрия, епископа Гурийско-Мингрельского при вступлении в управление епархией, сказанное 6 декабря 1903 года // Прибавление к Духовному вестнику Грузинского Экзархата. 1904. № 1/2. С. 5–9.

Эристов-Шарвашидзе 1906 – *Эристов-Шарвашидзе Н.* Памятная записка о нуждах грузинского народа. Б. м., 1906.

Научная литература

- Горский А. А. Представления о защите Отечества в Средневековой Руси (XI–XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. статей. М., 1994. С. 6–15.
- Кириченко О. В. Общие вопросы этнографии русского народа. Традиция, этнос, религия. СПб.: Алетея, 2020.
- Кириченко О. В. Русский патриотизм как историческое явление // Традиции и современность. 2023. № 32. С. 3–13.
- Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.
- Протоиерей Василий Марущак. Архиепископ Димитрий (в схиме Антоний) Абашидзе. Симферополь: Доля, 2005.
- Протоиерей Василий Марущак. Архиепископ Димитрий, в схиме Антоний (Абашидзе). Жизнеописание. Слова, воззвания и письма. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.
- Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020.
- Рылкова Л. П. Схиархиепископ Антоний (в монашестве Димитрий; в миру Давид Ильич Абашидзе) // Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за веру в 20 столетии. Киев: Феникс, 2008.
- Тишков В. А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

References

- Gorskii, A. A. 1994. Predstavleniya o zashchite Otechestva v Srednevekovoi Rusi (XI–XV vv.) [Ideas about the defense of the Fatherland in Medieval Rus' (11th–15th centuries)]. In *Mirovospriyatie i samosoznanie russkogo obshchestva (XI–XX vv.): Sbornik statei* [Worldview and self-awareness of Russian society (11th–20th centuries): Collection of articles], 6–15. Moscow.
- Kirichenko, O. V. 2020. *Obshchie voprosy etnografii russkogo naroda. Traditsiya, etnos, religiya* [General issues of the ethnography of the Russian people. Tradition, ethnicity, religion]. Saint Petersburg: Aleteia
- Kirichenko, O. V. 2023. *Russkii patriotizm kak istoricheskoe yavlenie* [Russian patriotism as a historical phenomenon]. *Traditsii i sovremennost'* 32: 3–13.
- Kolesov, V. V. 2006. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie
- Protodeacon Vasilii Marushchak. 2005. *Arkhiepiscope Dimitrii (v skhime Antonii) Abashidze* [Archbishop Dimitry (in tonsure Anthony) Abashidze]. Simferopol: Dolya.
- Protodeacon Vasilii Marushchak. 2006. *Arkhiepiscope Dimitrii v skhime Antonii (Abashidze). Zhizneopisanie. Slova, vozzvaniya i pis'ma* [Archbishop Dimitry in tonsure Anthony (Abashidze). Biography. Words, Appeals and Letters]. Sergiev Posad: Holy Trinity Lavra of St. Sergius
- Puchenkov, A. S., and V. V. Kalinovskii. 2020. *Dukhovnyi forpost Rossii: pravoslavnoe dukhovenstvo Kryma v 1914–1920 godakh* [Spiritual Outpost of Russia: Orthodox Clergy of Crimea in 1914–1920]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'
- Rylkova, L. P. 2008. *Skhiarkhiepiscope Antonii (v monashestve Dimitrii; v miru David Il'ich Abashidze)* [Schema-Archbishop Anthony (in tonsure Dimitry; in the world David Ilyich Abashidze)]. In *Biograficheskie svedeniya o bratii Kievo-Pecherskoi Lavry, postradavshei za veru v 20 stoletii* [Biographical information about the brethren of the Kiev-Pechersk Lavra who suffered for their faith in the 20th century]. Kyiv: Feniks
- Tishkov, V. A. 2013. *Rossiiskii narod. Istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian People. History and Meaning of National Identity]. Moscow: Nauka

PATRIOTISM OF SAINT DIMITRY (ABASHIDZE) AS A CHURCH PHENOMENON

Abstract. The article is devoted to the understanding of patriotism by the famous church figure of the first half of the 20th century, ascetic and missionary Saint Dimitry (Abashidze). The author, relying on various sources, mainly the sermons of the saint, and also taking into account the ideological attitudes of the archpastor, shows that his patriotism had a deep, conscious and multifaceted character: political, ecclesiastical, ethno-confessional. The article reveals the features of the latter, the foundations of which were laid, apparently, in childhood. The author considers this form of patriotism, love for the Russian people as the defender of the Church and the main support of the state, Slavophile, in the form as it was understood by N. Ya. Danilevsky. The article shows how gradually, from the beginning of his archpastoral activity, Saint Demetrius revealed to himself the depth of this church phenomenon.

Keywords: Saint Demetrius (Abashidze), ethno-confessional patriotism, Russian Orthodox Church, Russian people, late Slavophilism, N. Ya. Danilevsky.

Author Info: Gozkalyuk, Dimitry – Archpriest, graduate student of the All-Church Postgraduate and Doctoral Studies named after Saints Cyril and Methodius, acting. Rector of the Tauride Theological Seminary of the Simferopol and Crimean Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow, Russian Federation). E-mail: gotdd@mail.ru

For citation: Archpriest Dimitry Gotskalyuk. 2024. The Patriotism of Saint Demetrius (Abashidze) as a Church Phenomenon // *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 36: 14–25

